

ДЕЛО О НАЕЗДЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Некоторые боссы придерживаются твердого правила — никогда не смешивать работу и личную жизнь. Именно к такому типу начальников принадлежал Роджер Эйткен. Лишь после того, как он упал с лестницы перед «Плаза Грилл» и сломал себе ногу, я попал к нему домой и увидел его жену.

До этого случая он меня к себе ни разу не приглашал, и это меня несколько не беспокоило. По-моему, нет ничего хуже, когда начальник, крупная птица, изображает из себя эдакого отца родного. Если шеф раз в месяц устраивает дома званый ужин для сотрудников, совершенно нестерпимый ужин, на котором все боятся притронуться к рюмке или повысить голос, от такого шефа надо бежать как от чумы — в этом я твердо уверен.

Роджер Эйткен являл собой совершенно противоположный тип босса — это был босс-феодал. Людей он подбирал себе очень тщательно и платил им на четверть больше, чем любое другое рекламное агентство. Примерно неделю он присматривался, подходит человек или нет, и если решал, что нет, невезучим приходилось с треском вылетать вон.

Эйткен возглавлял «Международное Тихоокеанское агентство» — самое большое и лучшее рекламное агентство на всем побережье. Прежде чем попасть туда, я работал в маленьком занюханном рекламном бюро, которое одной ногой стояло в финансовой могиле, а босс его вскоре загремел

в дом для неизлечимых алкоголиков. Было это года два назад. Хорошо помню, я сидел за своим столом и ломал голову, как лучше подать рекламу посудомоечной машины — это убогое создание даже не могло счистить с тарелки остатки соуса, — как вдруг мне позвонила секретарша Роджера Эйткена. Она сказала, что Эйткен хочет видеть меня по личному делу и просит зайти к нему в шесть часов.

Я, разумеется, много слышал об Эйткене. Я знал, что он управляет агентством, принадлежащим кучке богатых бизнесменов, и делает это очень здорово. Естественно, я сразу же подумал: а не хочет ли он предложить мне работу? Естественно, я заволновался: работать в «Международном» считалось мечтой для любого рекламщика на побережье.

В шесть часов я как штык стоял в приемной агентства, а еще через пять минут — перед столом Эйткена, стараясь мужественно выдержать взгляд стальных голубых глаз, который, как нож масло — по-моему, здесь это сравнение уместно, — пронзал меня до самого затылка.

Эйткен был крупный, высокий — более шести футов¹ ростом — мужчина, ширококостный, с живым лицом. Рот его напоминал защелкнутый капкан, агрессивная челюсть — челюсть крупного чиновника. Выглядел он лет на пятьдесят семь и был полноват в талии, но если это и был жирок, то жирок тугой, плотный. Короче говоря, было ясно, что этот человек держит форму.

Секунд десять он пристально рассматривал меня, потом поднялся, протянул руку и крепко, до боли в косточках, пожал мою.

— Вы Честер Скотт? — требовательно спросил он. Голос его, безусловно, можно было услышать в приемной, не прикладывая уха к замочной скважине.

Не знаю, за кого еще он мог меня принять, поскольку, прежде чем добраться до его кабинета, я назвал свое имя по меньшей мере четверем его служащим.

¹ 1 фут равен примерно 30,5 см.

Я сказал, что я — Честер Скотт.

Он открыл лежавшую на столе папку и постучал по ней пальцем:

— Ваша работа?

В папке было около двух десятков вырезок из разных газет и журналов — реклама, сделанная мной за последние четыре-пять месяцев.

Я сказал, что это моя работа.

Он закрыл папку и начал вышагивать по комнате.

— Не так уж плохо, — заметил он. — Вы могли бы мне подойти. Сколько они вам платят?

Я назвал сумму.

Он приостановился и уставился на меня, как будто не слышал.

— Вам известно, что вы стоите больше?

Я сказал, что известно.

— Почему же вы сидите сиднем и ничего не предпринимаете?

Я сказал, что в последнее время у меня было много работы и думать о чем-то другом не приходилось.

— Может, для вас работа важнее денег?

— Я бы не сказал, — ответил я. — Просто в последнее время я действительно был занят.

Еще несколько секунд он не спускал с меня глаз, потом обошел вокруг стола и сел в свое кресло.

— У меня вы будете получать на сотню в неделю больше, чем сейчас. На работу можете выйти с понедельника.

Так я начал работать в «Международном».

С тех пор прошло два года. За это время я стал в агентстве вторым человеком после Эйткена и подчинялся только ему самому. Получал я столько, сколько два года назад мне и присниться не могло. У меня появились «кадиллак» с открывающимся верхом, бунгало с тремя спальнями и видом на океан, мальчишка-филиппинец, помогавший мне вести хозяйское хозяйство, а также счет в банке на кругленькую сумму.

Только не думайте, что я вышел на этот уровень, посиживая в кресле и покуривая сигаретки. Если вы попадаете к Эйткену, вам приходится вкалывать до седьмого пота. Каждый день, включая субботы, я садился за свой стол ровно в девять утра и нередко просиживал до полуночи. Платили в «Международном» прилично, но Эйткен за эти деньги драл три шкуры. Я, наверное, в жизни своей так много не работал, но мне это нравилось, к тому же со мной работали хорошие ребята: каждого парня или девушку Эйткен отбирал лично, а это кое-что значило. Короче говоря, я был на вершине блаженства. Слезать с этой вершины я никак не собирался, но, к сожалению, иногда обстоятельства складываются не так, как нам хочется.

Однажды жарким июльским вечером все вдруг полетело кувырком. Я поздно засиделся на работе — был уже десятый час. Со мной оставались только моя секретарша Пэт Хэнесси и художник-график Джо Феллоуз. Остальные ушли домой. Мы работали над рекламой нового туалетного мыла. Работа была большая и ответственная, кое-что делалось специально для телевидения, и вкладывалось в это дело около двух миллионов долларов.

Феллоуз показывал мне какие-то куски рекламы для еженедельников, и тут на столе Пэт зазвонил телефон.

Она подошла к столу и сняла трубку.

Пэт — девушка очень симпатичная. Высокая, длинноногая, с рыжими волосами и большими голубыми глазами, цвет лица — как на картинке. Ей двадцать шесть лет, а язычок такой, что лучше не попадаться. Мы с ней работали в одной упряжке. Если бы не ее напоминания, я бы выходил из всех графиков и запорол половину работ, которыми меня забрасывал Эйткен.

Я не слушал, о чем она говорила, — мы с Джо исправляли один из его эскизов. Мне не нравилась девушка, которую он использовал в качестве модели.

— Слушай, Джо, — говорил ему я, — девицу с такой грудью прищемит первая же вращающаяся дверь.

— Ну и прекрасно, — с обезоруживающей простотой парировал Джо, — именно это я и хочу передать. Я как раз и хочу, чтобы мужики, увидев эту рекламку, сразу задали себе вопрос: а что будет делать такая дамочка, если ей потребуется пройти через вращающуюся дверь? Это же психологический рисунок.

Я попытался удержаться от смеха, но не смог и бросил в него эскизом, а Пэт в это время повесила трубку и своим тихим, спокойным голосом сказала:

— Мистер Эйткен сломал ногу.

— Жалко, что не шею... — сострил было Джо, но тут же осекся. — Шутишь, что ли?

Пэт взглянула на меня.

— Звонила его экономка, — сказала она. — Мистер Эйткен поскользнулся на лестнице в «Плаза Грилл». Он упал и сломал ногу.

— Это в духе нашего шефа! — довольно беспардонно воскликнул Джо. — Если уж ломать ногу, так не где-нибудь, а в «Плаза Грилл». А какую ногу, она не сказала?

— Заткнулся бы ты, Джо, — оборвал его я. Потом спросил у Пэт: — А где он? В больнице?

— Его отвезли домой. Он хочет тебя видеть. Экономка просила передать, чтобы ты приехал прямо сейчас.

Тут я вдруг сообразил, что и понятия не имею, где живет Эйткен.

— Где его найти? — спросил я, вставая.

— У него небольшая хибарка на Пальмовом бульваре, — с циничной улыбкой ответил Джо. — Такой милый домишко на двадцать четыре спальни, а гостиную можно вполне использовать под автобусный гараж. Ни дать ни взять загородная дачка из рекламного проспекта.

Его юмор был явно неуместен. Я вопросительно повернулся к Пэт.

— Это «Гейблз», на Пальмовом бульваре, — быстро сказала она. — Третий дом справа.

Она начала вытаскивать из ящиков и папок какие-то бумаги и складывать их в одну папку.

— Это еще зачем? — удивился я.

— Могут пригодиться. Ты думаешь, Р. Э. зовет тебя только для того, чтобы ты посидел с ним? Завтра заседание правления, и вести его придется тебе. Он обязательно захочет посмотреть все бумаги, вот увидишь. — И она сунула папку мне под мышку.

— Да человек же ногу сломал! Какая ему сейчас работа! Небось на стенку лезет от боли!

— Возьми бумаги, Чес, — сказала Пэт серьезно. — Вот увидишь, они понадобятся.

Она была права. Бумаги действительно понадобились.

«Гейблз» оказался огромным домом, окруженным садом акра примерно на два, с прекрасным видом на океан и далекие горы. Насчет двадцати четырех спален Джо, конечно, загнул, но за десять я мог поручиться. Дом был хороший. Во всяком случае, я бы в таком жил с удовольствием. Таким домом восхищались бы твои друзья, даже если в душе они тебя ненавидят.

Слева от дома находился приличных размеров бассейн, а также гараж на четыре машины, в котором стояли солидный «бентли» — Р. Э. ездил в нем на работу, — спортивный «кадиллак», «бьюик»-универсал и маленький «TR-2».

Залитый светом сад утопал в цветах: розы, бегонии, петунии... Пустынный в эту пору бассейн тоже был освещен. Я проехал по дорожке, посыпанной гравием. Вот это бассейн! Ну и красотища! А если еще вокруг будут нежиться красотки в бикини...

Я был слегка ошарашен всей этой роскошью. Я, конечно, знал, что Р. Э. птица высокого полета, но и подумать не мог, что у него такие доходы.

Я вышел из машины, поднялся по лестнице — к парадной двери вели двадцать мраморных ступенек — и нажал на кнопку звонка.

Через некоторое время дверь открылась. На пороге, вопросительно подняв седые брови, стоял высокий полный человек в костюме английского дворецкого. Позже я выяснил,

что звали его Уоткинс и Р. Э. выписал его из Англии за личную сумму.

— Я Честер Скотт, — отрекомендовался я. — Мистер Эйткен ждет меня.

— Да, сэр. Сюда, пожалуйста.

Я прошел за ним через большой холл, потом вниз по лестнице в комнату, видимо служившую Р. Э. кабинетом. Там стояли стол, диктофон, четыре кресла, радиоприемник. Вдоль стен — полки с книгами, тысячи две книг.

— Как он себя чувствует? — спросил я Уоткинса, когда тот зажег свет и уже собрался исчезнуть в дальних закоулках огромного дома.

— Все необходимые меры были приняты, сэр, — сказал он замогильным голосом. — Прошу вас, подождите несколько минут, я сообщу ему о вашем приходе.

Он удалился, а я подошел к полкам и стал рассматривать корешки книг.

Через некоторое время Уоткинс вернулся.

— Мистер Эйткен готов принять вас.

Прижимая к боку папку, которую мне сунула Пэт, я прошел за Уоткинсом по коридору в лифт, который поднял нас на два этажа. Через широкий вестибюль мы подошли к двери. Уоткинс легонько постучал, повернул ручку и сделал шаг в сторону.

— Мистер Скотт, сэр.

Я вошел в просторную и типично мужскую комнату. Портьеры на большом окне были раздвинуты, и за ним плескался освещенный луной океан. А на односпальной софе лежал Эйткен.

Выглядел он как всегда, если не считать того, что я привык видеть его на ногах, а не в постели. В зубах у него торчала сигара, а поверх одеяла была навалена куча бумаг. У изголовья горела лампа, остальную часть комнаты скрывала тень.

— Входите, Скотт, — сказал Эйткен, и по тому, как скрипнул его голос, я понял, что собственное положение доставляет ему мало удовольствия. — Здорово я устроился, да? Бе-

рите стул. Ну ничего, я заставлю этих кретинов заплатить! Я послал моего адвоката полюбоваться на эти ступеньки — это же настоящая волчья яма! Прищучить я их прищучу, только нога от этого здоровей не станет.

Я поставил стул поближе к софе и сел. Потом начал было выражать соболезнования, но он отмахнулся.

— Не надо, — устало произнес он. — Это все пустые слова, какой от них толк? Если верить этому дураку-доктору, я вышел из строя по крайней мере на месяц. В моем возрасте и при моем весе ломать ноги не очень-то рекомендуется. Если не отлежать сколько положено, можно остаться хромым на всю жизнь, а такая перспектива мне никак не подходит. Поэтому я буду лежать. А завтра заседание правления. Вести его придется вам. — Он посмотрел на меня. — Справитесь?

Проявить скромность? Нет, это был явно не тот случай.

— Скажите, как я должен провести заседание, — твердо сказал я, — и я его проведу.

— У вас бумаги с собой?

Спасибо тебе, дорогая моя Пэт! Каким балбесом я бы сейчас выглядел перед шефом, если бы не ты!

Я вытащил из папки бумаги и протянул их Эйткену.

Секунд десять он смотрел на меня в упор, потом на его непроницаемом лице появилось некое подобие улыбки.

— Знаете, Скотт, — сказал он, беря бумаги, — вы очень толковый малый. Как вы догадались взять это с собой? Как догадались, что я не лежу здесь бездыханный и ни на что не годный?

— Я просто не могу представить вас в таком состоянии, мистер Эйткен, — учтиво произнес я. — Свалить такого человека, как вы, не так-то просто.

— Да уж, это точно.

Я понял, что попал в точку. Положив перед собой бумаги, он наклонился стряхнуть с сигары пепел в стоявшую на столике пепельницу.

— Ответьте мне на один вопрос, Скотт, у вас есть деньги?

Вопрос был настолько неожиданным, что какой-то миг я с удивлением смотрел на Эйткена.

— У меня есть двадцать тысяч долларов, — ответил я наконец.

На этот раз удивился он.

— Двадцать тысяч? Совсем недурно, а? — Он даже прищелкнул языком. На моей памяти он впервые выглядел таким веселым. — Похоже, я вас так перегрузил, что вам некогда было их истратить?

— Да нет, — ответил я. — Просто большая часть этих денег досталась мне по наследству.

— Я вам объясню, почему я задал этот вопрос, — сказал он. — Мне надоело гнуть спину на какого-то дядю. Я хочу перебраться в Нью-Йорк и открыть там самостоятельное дело. В ближайший месяц управлять «Международным» придется вам. Я вам буду говорить, что надо делать, но иногда решение придется принимать с ходу, консультироваться со мной будет некогда. Мне ни к чему, чтобы вы звонили сюда каждые полчаса и спрашивали, как сделать это и как сделать то. Я дам общую установку, а уж действовать будете сами. Если увижу, что вы справились, получите возможность, за которую любой занятый в нашем бизнесе отдал бы все на свете: если вы согласитесь вложить деньги в дело, будете моим компаньоном. Это значит, что Нью-Йорк будет на вас, а я буду пока продолжать заниматься «Международным». И тогда мы оба сможем зарабатывать хорошие деньги. Ну как?

— Господи, ну конечно! — Я выпрямился. Как сильно колотится сердце! — Вы можете рассчитывать на меня, мистер Эйткен.

— Ну ладно, посмотрим. Пока что ваша задача — справиться с «Международным». Справитесь — я вас беру. Не справитесь — разговора не было. Ясно?

Не успел я как следует обдумать, какая передо мной открывается возможность, мы перешли к обсуждению завтрашнего заседания. Но позже я понял: такое выпадает раз в жизни. Это запросто позволит мне подняться на порядок выше, перейти в класс Эйткена, а там, рано или поздно, — полная

самостоятельность! С двадцатью тысячами долларов на кону, с возможностями, какие открывает Нью-Йорк перед молодым предприимчивым рекламщиком, и с поддержкой Эйткена это действительно был случай, за который любой в нашем бизнесе отдал бы все на свете.

Я просидел у Эйткена два с половиной часа. Мы изучали протоколы предыдущих заседаний, потом обсуждали задачи на новую неделю. Благодаря Пэт у меня с собой были все необходимые бумаги. Она не упустила ничего, и это произвело на Эйткена большое впечатление. Наконец примерно в половине двенадцатого в комнату вошла высокая худая женщина в черном шелковом платье — это, как я потом выяснил, была его экономка миссис Хэппл — и прервала наше бдение.

— Пора вам немножко и отдохнуть, мистер Роджер, — сказала она, и по глазам ее было ясно, что никаких возражений она не потерпит. — Доктор Шульберг велел вам ложиться спать не позднее одиннадцати, а вы уже пересидели лишних полчаса.

Я ожидал, что Р. Э. пошлет ее к черту, но этого не случилось.

— Ох уж мне эти лекари! — не глядя на нее, проворчал он и оттолкнул от себя бумаги. — Ладно. Забирайте эту макулатуру, Скотт.

Я начал складывать бумаги в папку. Эйткен продолжал:

— Что ж, придется целый месяц со всем этим мириться. Как только заседание правления окончится, звоните мне. Будьте осторожны с Темплменом. От него в любой момент можно ожидать пакостей. А завтра вечером снова приезжайте сюда. Я хочу знать, как вам удастся утрясти вопрос со счетом Вассермана. Это дело ни в коем случае нельзя проморгать, и «Прекрасное мыло» тоже.

Я заверил его, что все сделаю как надо, пожелал ему спокойной ночи и с облегчением вышел из комнаты.

Подойдя к лифту, я нажал на кнопку, но ответного сигнала не было. Наверное, кто-то внизу забыл захлопнуть дверцу шахты. Я пошел вниз по лестнице.

Внизу я увидел площадку, на которую выходило несколько дверей. Одна из них была широко распахнута, и лившийся из нее свет прямоугольником высвечивал бело-зеленый ковер.

Ковер на ступеньках был такой толстый, что я не слышал собственных шагов. Поэтому, наверное, их не услышала и она.

Она стояла перед большим, в полный рост, зеркалом и любовалась собой. Чуть склонив голову набок, она приподнимала с плеч длинные каштановые волосы. На ней были забавные короткие штанишки, которые кончались чуть выше колен. А ноги босые.

Более очаровательного создания я не встречал за всю свою жизнь. Ей было года двадцать два, а скорее всего, двадцать. Это была сама молодость, красота и свежесть, и все в ней, от длинных блестящих волос до маленьких босых ног, манило и будоражило.

Я увидел ее и почувствовал, как во мне вспыхнула искра, которая словно разожгла костер: меня всего обдало жаром, голова пошла кругом. Во рту вдруг пересохло, горло сдавило, а сердце рванулось в галоп.

Замерев на месте, я стоял в полутьме и смотрел на нее. Никогда еще я не встречал женщину, которую желал бы так страстно; иначе почему так громко стучит в висках кровь, почему так бешено колотится сердце?

То ли она инстинктивно почувствовала, что на нее смотрят, то ли ей просто надоело любоваться собой, во всяком случае, она шагнула в сторону, и дверь захлопнулась.

Еще секунд десять я заворуженно глядел на закрытую дверь, потом машинально пошел вниз и через один пролет оказался в холле. И только там я остановился, достал платок и вытер вспотевшее лицо.

Из гостиной вышел Уоткинс.

— Сегодня теплая ночь, — сказал он, буравя меня хитрым, пронизательным взглядом. — Вы без шляпы?

Я сунул платок в карман.

- Без шляпы.
- Вы на машине, сэр?
- Да.

Я сделал движение в сторону парадной двери. Он предупредительно открыл ее.

- Доброй ночи, сэр.

Я что-то буркнул в ответ и вышел в теплую тихую тьму. Как хорошо, что сейчас надо будет ехать, держаться за баранку!

Ее отделяло от Эйткена лет тридцать пять, не меньше, но что-то подсказывало мне, что она ему не дочка и не любовница. Что-то внутри говорило мне, что она ему жена, и от этой мысли меня затошнило.

II

В ту ночь я спал плохо — от разных мыслей пухла голова. Я думал о предложении Эйткена — такой случай, безусловно, выпадает раз в жизни. Я думал о предстоящем заседании правления — орешек, который необходимо разгрызть.

«Международное Тихоокеанское агентство» имело пять директоров. Четверо из них были банкирами, они полностью доверяли Эйткену и в вопросах политики фирмы всегда шли ему навстречу. Пятый же — юрист Селвин Темплмен — считал себя крупным знатоком рекламного дела и поэтому часто вмешивался в работу Эйткена. Завтра тягаться с ним придется мне, и эта мысль не доставляла никакого удовольствия.

Еще одна проблема — счет Вассермана. Джо Вассерман возглавлял крупнейшую на побережье фирму по изготовлению телевизоров. Он принадлежал к числу наиболее важных наших клиентов, платил большие деньги — и прекрасно это знал. Время от времени он грозился, что расторгнет с нами контракт и передаст всю рекламу, а вместе с ней и деньги другому агентству. Но пока нам удавалось его удержать. Он был одним из немногих, с кем всегда имел дело лично Эйткен. Теперь эта обязанность ложилась на меня, и это тоже не доставляло мне удовольствия.

Наконец, меня мучила мысль о том, что, по всей вероятности, в течение целого месяца хозяином в «Международном» буду я. Это значит, что под моим началом будут работать сто пятнадцать мужчин и женщин, а в любое время рабочего дня мне могут позвонить, написать или обратиться со своими проблемами лично двести три клиента нашего агентства, ни секунды не сомневаясь, что я мгновенно отвечу на любой их вопрос. Раньше это меня не особенно беспокоило — я знал, что, если захожу в тупик, всегда можно обратиться к Р. Э. и предоставить искать выход из лабиринта ему. Собственно, я мог поступить так и сейчас, но его мнение обо мне резко бы упало. В конце концов, человек со сломанной ногой вправе рассчитывать на то, что тревожить его будут только в самом крайнем случае.

Короче говоря, и эта мысль доставляла мне мало радости.

За окном светила луна, с легким шелестом накатывался на берег океан, а я лежал в постели, окруженный, казалось, совершенно неразрешимыми проблемами. И вдруг я понял, что лежу в темноте без сна вовсе не из-за них, — у меня перед глазами стояла любующаяся собой в зеркале жена Роджера Эйткена.

Вот почему я не мог заснуть! В сознании еще и еще раз проигрывалась виденная мною картина: она — сама свежесть и красота — поднимает с белых плеч густые каштановые волосы, тонкая рубашка обтягивает изящную грудь. Такая невыразимо желанная, но, увы, жена Роджера Эйткена. Эта картина не давала заснуть, меня знобило, словно в лихорадке.

Почему Эйткен женился на ней — ведь она годится ему в дочери? А она, она-то почему вышла за него замуж? Уж конечно не по любви, какая же девушка полюбит такого человека, как Р. Э.?

Только не думайте, что я не пытался отогнать эти мысли. Наоборот, я всячески старался не думать о ней. Она, говорил я себе, жена Р. Э. и потому должна быть для меня святыней. Она предназначена не для меня. Я сумасшедший, что вообще вот так о ней думаю. Но ничего не помогало. В эту ночь я спал плохо — никак не мог выбросить ее из головы.

Утром я приехал на работу в начале десятого. У самого лифта столкнулся с Пэт. Лифт был переполнен, и нас прижали к стенке. Мы только молча улыбались друг другу — вокруг было слишком много ушей.

Как только мы выбрались из лифта, я рассказал ей о предложении Р. Э.

— Ой, Чес, как это здорово! — воскликнула она. — Я всегда удивлялась, почему он не перебирается в Нью-Йорк. Подумать только — ты будешь там за главного!

— Еще ничего не решено. Я могу все завалить здесь, и тогда вся затея лопнет.

— Что значит «завалить»? Как ты можешь так думать? Ты прекрасно со всем справишься.

— Если я попаду в Нью-Йорк, ты мне там понадобишься, Пэт. Без тебя я просто не смогу работать.

Глаза ее блеснули.

— Нью-Йорк — это просто великолепно. Мне всегда хотелось работать в Нью-Йорке.

Через некоторое время, когда я читал почту, в комнату ввалился Джо Феллоуз.

— Привет, босс. — Он ослабился. — Как там наш старик?

— Все такой же. Единственная разница — не ходит вперед, а лежит, — отшутился я. — Слушай, Джо, я сейчас занят. Через десять минут мне проводить заседание правления. У тебя какое-то дело?

Джо сел на край моего стола.

— Успокойся, малыш. Подумаешь, заседание правления. Я хотел услышать, что наш старик корчится от боли и страдает: мне бы это доставило удовольствие. Готов спорить, что от его стонов разлетелись все вороны.

— Как бы не так. Он стоик до мозга костей. Так что я вынужден тебя разочаровать, Джо, а сейчас сматывайся, мне нужно прочитать почту.

Джо не пошевелился. Он с недоумением смотрел на меня:

— Ты плохо выглядишь. В чем дело?

Мы проработали вместе два года, и он мне нравился. Среди рекламщиков второго такого графика не было. Он часто

говорил, что вместо Эйткена предпочел бы иметь шефом меня, и я знал: если мне когда-нибудь выпадет возможность открыть свое дело, он пойдет ко мне работать с радостью.

Поэтому я рассказал ему о перспективе покорения Нью-Йорка.

— Потрясающе! — вскричал он, как только я кончил. — Ты, Пэт и я — это будет такая группа, какую еще не знал мир! Если ты не заграбастаешь эту работу, Чес, я тебя задушю.

— Ну, если так, придется постараться, — с улыбкой ответил я.

Он соскользнул со стола.

— А кстати, ты вчера, когда был у Р. Э., жену его не видел?

Меня бросило в жар. К счастью, я в этот момент перебирал бумаги и потому мог не смотреть на него, иначе, боюсь, я бы себя выдал.

— Жену? — Я вложил в голос все бесстрашие, каким располагал. — Нет, не видел.

— Ну так ты пропустил премьеру. Это такой блеск, доложу я тебе! Я как-то случайно видел ее, и она мне с тех пор снится.

Я уже более или менее овладел собой и поэтому поднял голову и взглянул на него:

— И что уж там такого особенного?

— Вот ты ее увидишь и поймешь, что задал глупейший вопрос года. Что особенного? Да один ее мизинец довел меня до такого экстаза, до какого не доводила ни одна девушка! Как подумаю, что такая конфетка досталась этой маринованной старой кислятине с кулаком вместо сердца, — сдохнуть хочется!

— Откуда ты знаешь, может, она с ним счастлива.

— А ты поставь себя на ее место. Разве молодая и красивая девушка может быть счастлива с таким мужем, как Р. Э.? — спросил Джо с ухмылкой. — Эта сказка стара как мир. Ее могла вдохновить на такой брак только одна вещь — его чековая книжка. Плоды налицо: она живет в доме с двенадцатью спальнями, она может украсить свою прелестную шейку бриль-

янтовым ожерельем, даже сам Р. Э. целиком принадлежит ей. Но вот что она при этом счастлива — это уж дудки, не поверю.

— Знаешь, а я, как ни странно, никогда не слышал, что он женат. Откуда она взялась?

— Понятия не имею. Скорее всего, дрыгала ножками в каком-нибудь кабаре. Он женился на ней за год до того, как к нам пришел ты, — сказал Джо. — Это значит, когда он ее подцепил, ей было лет семнадцать — прямо, можно сказать, из колыбельки. Короче, при случае советую на нее взглянуть. Она того стоит.

— А может, все-таки кончишь трепаться и уберешься отсюда? — Я решил закончить этот разговор. — До совещания осталось десять минут.

Задуматься над словами Джо сразу мне было некогда, но позже я над ними задумался, задумался серьезно. Мысль о том, что она просто продалась Эйткену, казалась отвратительной, но я чувствовал: Джо не ошибся. Она вышла за него замуж из-за денег — никакой другой причины здесь быть не могло.

Часов около трех я позвонил Эйткену. Чувствовал я себя так, будто меня пропустили через бельевой барабан. Заседание правления только что закончилось — мне пришлось изрядно попотеть. Увидев, что Эйткена нет, Темплмен совсем было распоясался и ничего не хотел слушать, но мне удалось поставить его на место, а заодно и остальных директоров. Я получил их согласие по всем важным для Эйткена позициям, и это само по себе было полным триумфом.

Поэтому, как только кончилось заседание, я сразу набрал номер Эйткена. Трубку сняли после первого гудка, и женский голос сказал:

— Алло! Кто говорит?

Я сразу понял, что это она, и от звука ее голоса у меня захватило дух. Какую-то секунду я не мог произнести ни слова и просто сидел как околдованный, прижав трубку к уху и вслушиваясь в нежное дыхание на другом конце линии.

— Алло! Кто говорит? — повторила она.

— Это Честер Скотт, — выдавил я с трудом. — Я хотел бы поговорить с мистером Эйткенем.

— Мистер Скотт? — переспросила она. — Конечно, разумеется. Он ждет вашего звонка, одну минуточку.

— Как он себя чувствует? — спросил я, чтобы продлить удовольствие: боже, какой мягкий, волнующий голос!

— Спасибо, хорошо. — Особого энтузиазма в ее голосе не было. А может, мне просто так казалось? — Доктор им очень доволен, — добавила она, затем щелкнул какой-то рычажок, и через мгновение я разговаривал с Эйткенем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Около восьми часов я подъехал к «Гейблз».

В дороге меня одолевала одна мысль: увижу ли я ее сегодня? Во рту, словно после болезни, было сухо, а сердце билось глухо и неровно.

Я сразу же заметил, что сегодня освещение над садом и бассейном выключено, зато пробел отлично восполняла светившая металлическим светом луна, и вид у виллы был необычайно впечатляющий.

Я оставил машину перед парадным входом, взбежал по лестнице и нажал на кнопку звонка. После обычной паузы дверь, как и вчера, открыл Уоткинс.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он. — Сегодня чудесная погода.

— Да, — пробормотал я, проходя за ним в холл. — Как мистер Эйткен?

— Я полагаю, лучшего ожидать трудно. Правда, к вечеру он стал слегка нервничать. Если не возражаете, я попросил бы вас не засиживаться.

— Постараюсь управиться быстро.

— Это было бы очень благоразумно, сэр.

Мы поднялись в лифте. Старик тяжело дышал. Каждый вымученный вдох сопровождался похрустыванием его накрахмаленной манишки.

Эйткен полусидел в своей постели, зубы мертвой хваткой сжимали сигару. На коленях у него лежали какие-то счета, а рядом — карандаш и блокнот. Он был явно утомлен, а при свете лампы на лбу виднелись капли пота. Углы рта чуть провисли вниз, веки отяжелели. Вчера он выглядел гораздо лучше.

— Входите, Скотт, — проворчал он, словно предупреждая меня, что сегодня он не в настроении.

Я подошел к его софе и сел в кресло.

— Как ваша нога? — спросил я, сосредоточив все внимание на своем портфеле.

— Нормально. — Он смахнул счета прямо на пол. — Мне звонил Гамильтон и сказал, что заседание вы провели отменно.

— Я рад, что у него создалось такое впечатление. С Темплом все-таки были трудности, — скромно произнес я. — Он заставил меня здорово попытеть.

Рот Эйткена искривился в улыбке.

— Вы с ним справились. Гамильтон мне все рассказал. Вы прикрутили хвост этому старому ослу. Протокол у вас с собой?

Я протянул ему протокол.

— Я пока почитаю, а вы возьмите что-нибудь выпить и мне налейте. — Он махнул рукой в сторону столика у стены, на котором стояли бутылки и стаканы. — Я хочу виски, да побольше.

По голосу я понял, что спорить с ним бесполезно, поэтому подошел к столику и плеснул в два стакана виски с содовой. Один из них я протянул Эйткену. Посмотрев на стакан, он нахмурился. В этот момент он был здорово похож на разгневанного гангстера.

— Я же сказал: побольше! Вы что, не слышали?

Я вернулся к столику и долил Эйткену виски. Он залпом осушил стакан, потом ткнул им мне в грудь.

— Налейте еще, потом садитесь.

Я налил ему столько же, поставил стакан рядом с софой и сел.

Наши глаза встретились, и Эйткен вдруг ухмыльнулся.

— Не сердитесь на меня, Скотт, — сказал он. — Когда человек ломает ногу, он становится совершенно беспомощным. В этом доме против меня организовали заговор — они мне всячески внушают, что я болен. Весь день я ждал, когда придете вы и дадите мне выпить.

— По-моему, это худшее, что вы могли сейчас сделать, — сказал я.

— Вы считаете? — Он усмехнулся. — Об этом позвольте судить мне. — Он взял протокол. — Можете курить, если хотите.

Я зажег сигарету и отпил немного из стакана. Минут десять Эйткен читал протокол, потом уронил его на колени, потянулся к стакану и отхлебнул изрядную дозу.

— Для начала совсем недурно, — похвалил он. — Более того: я сам не провел бы заседание лучше. Если и дальше пойдет в таком же духе, считайте, что Нью-Йорк у вас в кармане.

Услышать такое было приятно и лестно.

— Ну хорошо, — продолжал он, — им пришлось уступить, и вы должны этим воспользоваться. Есть какие-нибудь идеи?

Я знал, что он задаст этот вопрос, поэтому перед уходом с работы посоветовался со старшими в отделах.

В течение получаса я излагал свои идеи. Он спокойно лежал и слушал, потягивая виски и время от времени удовлетворенно кивая. Я говорил то, что нужно, — это было ясно. Когда я кончил, он сказал:

— Ну что же, неплохо. Совсем неплохо. Сейчас я расскажу вам, как можно сыграть лучше.

Настала моя очередь слушать — это был хороший предметный урок. Все идеи были мои, но поворачивал он их слегка по-своему, причем я сразу же видел, в чем был не прав. Мой вариант тоже был хорош, но обходился чуть дороже. Его вариант давал агентству экономию в десять процентов, а само-

му Эйткену — право считать себя по сравнению со мной бизнесменом более высокого класса.

Я вдруг заметил, что уже перевалило за девять, и сразу вспомнил слова Уоткинса о том, что встречу желательно не затягивать.

— Понятно, сэр, — сказал я, укладывая бумаги в портфель. — Все будет сделано. А сейчас, если не возражаете, я полеку. У меня в десять свидание.

Он ухмыльнулся:

— Не надо лгать, Скотт. Я знаю, это вас надоумил старый хитрюга Уоткинс. Ну да черт с ним. Сматывайтесь. Завтра жду вас в восемь. — Он допил виски и поставил стакан. — У вас есть девушка, Скотт?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я даже выронил на пол несколько бумаг. Нагнувшись за ними, я ответил:

— Постоянной нет, если вы об этом.

— Я не об этом. Время от времени мужчине нужна женщина. Только ни в коем случае не идите у них на поводу, не поддавайтесь их чарам. Женщины — это благо, а блага для того и созданы, чтобы ими пользоваться. — Циничные нотки в его голосе неприятно резанули слух. — Я не хочу, чтобы вы все время работали. Отдыхать тоже надо. Вы не мальчик и должны знать, что женщина — это весьма приятная форма отдыха. Но только не позволяйте ей подцепить вас на крючок. Стоит вам поддаться, увлечься — вы пропали.

— Да, сэр, — произнес я, снова запикивая бумаги в портфель. От него я ничего подобного не ожидал, и такой цинизм задел меня за живое. — Завтра в восемь я буду у вас.

Не сводя с меня глаз, он откинулся на подушки.

— И не работайте в выходные. В пятницу вечером приходить не надо — позвоните только в понедельник утром. Давайте, Скотт, стройте планы на выходные. В гольф играете?

Я сказал, что играю.

— Лучшая в мире игра, если не относиться к ней серьезно. В этом смысле ее можно сравнить с женщиной. К ним нельзя относиться серьезно, иначе попадетесь на крючок — и поминай как звали. Сколько вы набираете?

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕЛО О НАЕЗДЕ. <i>Перевод М. Загота</i>	5
УХОДЯ, НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ. <i>Перевод В. Антонова</i>	219
СИЛЬНЕЕ ДЕНЕГ. <i>Перевод А. Горского</i>	407